

Чжан Ли ждал снаружи. Пусть Цинь Цзычу и держался безупречно, за дни совместного пути его спутник научился подмечать едва уловимые тени на лице Цинь Цзычу. Он понимал: в душе юноши все еще бушует буря. Чтобы не мешать ему обрести покой, Чжан Ли не стал подниматься в повозку. Для столь нежного возраста стойкость Цзычу поражала — мало кто способен не дрогнуть перед обнаженным клинком. Но Чжан Ли и подумать не мог, что не пройдет и четверти часа, как изнутри донесется беззаботный смех: Цинь Цзычу уже вовсе забавлялся с сыном.

Способность Цинь Цзычу быстро возвращать душевное равновесие мгновенно рассеяла тревогу Чжан Ли. Он распорядился, чтобы слуги договорились с лодочниками. Было решено отправиться водным путем — подняться вверх по Янцзы, пересечь земли Сына Неба династии Чжоу и вернуться в Царство Цинь, напрямиком в Сяньян.

В этот момент с неба закапал мелкий весенний дождь. Капли застучали по раме повозки, пропитывая влагой плотные занавеси, отчего внутри сделалось еще сырее и прохладнее. Цинь Цзычу прислонился к оконному проему. Не выдержав, он отдернул тяжелую, разбухшую от воды ткань, впуская в душный полумрак свежий, напоенный влагой воздух. Весенний дождь мерно барабанил по дереву, выводя неторопливый, усыпляющий мотив. Глядя на мутные, бурлящие внизу воды Хуанхэ, Цзычу бережно прижал к себе Ин Чжэна и, указав на далекий берег, негромко заговорил:

— Посмотри, А-Чжэн, на склонах гор уже пробивается первая зелень. Весна пришла. Стоит нам перебраться через эту великую петляющую реку, и мы окажемся дома. Там я найду для тебя самую лучшую, самую заботливую кормилицу, хорошо?

Чжан Ли, примостившийся на краю сиденья, с улыбкой наблюдал, как принц донимает явно недовольного младенца.

— Господин, пощадите кроху, — с легким смешком проговорил он. — Скажите лучше, Цинь Цзычу, какие у вас планы по возвращении на родину?

Цинь Цзычу легонько коснулся пальцем щеки сына, на мгновение задумался, а затем со вздохом покачал головой:

— Пока я мало что смыслю в государственных делах. Хотелось бы найти достойного наставника среди великих ученых мужей, чтобы восполнить упущенное за годы изгнания.

— Мне показалось, вам ближе учение Конфуция? — негромко спросил Чжан Ли, устремив взор на туманные речные дали.

Цинь Цзычу на миг замешкался, но быстро ответил:

— Дело не в личных предпочтениях. Суждение «государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном» идеально подходит для поддержания порядка в стране. Школа Легизма же, спору нет, умеет внушать трепет, но держать народ в постоянном страхе и напряжении опасно. Рано или поздно чаша терпения переполнится, и взрыв будет сокрушительным. Вот если бы нашелся мудрец, способный объединить сильные стороны обеих

школ... Впрочем, мои познания пока слишком поверхностны. Быть может, вы, учитель, можете кого-то порекомендовать?

Чжан Ли погладил аккуратную бородку и мягко улыбнулся:

— Есть один человек, который подошел бы вам как нельзя лучше.

Глаза Цзычу заинтересованно блеснули:

— О ком вы говорите, почтенный?

— Сюнь Куанг. Сейчас он находится в царстве Чу. Этот муж всегда ратовал за сочетание строгих законов и ритуалов, объединяя в своем учении наследие Учения Конфуция и Школы Легизма. Его взгляды поразительно созвучны вашим мыслям, — Чжан Ли на секунду замялся, его лицо выразило сомнение. — Но есть сложность. Правитель Чунышэнь осыпает Сюнь Куанга милостями и даже пожаловал ему высокий чин старшего министра, позволив открыть собственную школу в Ланьлине. Боюсь, заманить его в Великую Цинь будет непросто.

Цинь Цзычу не видел в этом большой беды. Давно известно: истинному бесстыдству подвластно всё на свете! Разве в былые времена великий Лю Бэй не обивал пороги хижины Спящего Дракона, пока наконец не заполучил блистательного мудреца в свои сети, обеспечив себе победу в борьбе за Поднебесную?

Если Сюнь Куанг действительно так полезен, план прост: сперва нужно изящно избавить философа от нынешнего покровителя, а затем явиться к нему самому — кротким, жаждущим знаний учеником.

Цинь Цзычу небрежно махнул рукой:

— Если я выкажу искреннее рвение и лично отправлюсь в Царство Чу, чтобы засвидетельствовать свое почтение, Сюнь Куанг непременно это оценит. К тому же теперь я признан законным внуком правителя Царства Цинь и сыном наследного принца. Если я выберу его путь, то смогу предоставить ему такие возможности для распространения его учения, о которых в Царстве Чу он не смел и мечтать. Рано или поздно он согласится перебраться в Царство Цинь и стать моим наставником. Кстати, что за человек этот правитель Чунышэнь?

— Хуан Се, более известный как правитель Чунышэнь, — муж выдающегося ума и красноречия, — охотно пояснил Чжан Ли. — В своих владениях он привечает таланты и кажется образцом добродетели, однако на внешней арене излишне воинственен. По правде говоря, всем четверем знаменитым господам эпохи свойственно тщеславие, но Чунышэнь к тому же питает пагубную страсть к роскоши. Но почему вы спросили о нем, господин?

Цинь Цзычу усмехнулся:

— Чем громче слава о его добродетели, тем проще с ним управиться. Поговаривают, канцлер Фань Суй заслужил безграничное доверие нашего деда, правителя Царства Цинь, когда нашептал ему: «В Поднебесной знают лишь вдовствующую царицу, маркиза Жана, да господ

Хуаяна, Гаолина и Цзинъяна, но никто не знает самого вана». Наш владыка — бесспорно, великий и мудрый правитель, но даже он не потерпел, чтобы тень подданных затмевала его величие. Так неужели правитель Царства Ци ни капли не страшится растущего влияния Чуньшэня? Когда слуга становится богаче своего господина, а его слава затмевает величие трона, достаточно крошечной искры, чтобы этот пожар поглотил выскочку целиком.

Чжан Ли вынужден был признать: план безупречен. И все же его тревожило, с какой легкостью Цзычу рассуждал об интригах и коварстве.

— Полноте, господин, — мягко пожурил он юношу. — Истинному правителю надлежит следовать стезей праведности, а не полагаться на темные уловки.

Цзычу лишь весело сощурился:

— Какая разница, каков путь, если цель достигнута? Так что скажете, это поможет заполучить Сюнь Куанга?

Улыбка Чжан Ли сделалась еще более горькой:

— С великими мыслителями спорят на языке разума, господин. Пытаться прельстить их выгодой — значит нанести им тягчайшее оскорбление.

— Позвольте не согласиться, учитель, — возразил Цзычу. — Легко хранить верность высоким идеалам в нищете, когда вокруг все живут точно так же. В голодные времена и дикая лебеда кажется изысканным лакомством. Но когда у соседа на столе каждый день дымится сочные яства, вряд ли получится со спокойной душой читать трактаты на пустой желудок — один лишь запах свежего мяса лишит всякого покоя. Я всем сердцем желаю видеть Сюнь Куанга своим учителем, но это вовсе не мешает мне осыпать его щедрыми дарами. Благородство ума и верность долгу прекрасны, но они вовсе не исключают стремления к земному благополучию.

Чжан Ли задумался: в словах его подопечного действительно крылась житейская мудрость. Он со вздохом кивнул:

— Возможно, вы правы. Однако знайте, господин: нынешние книжники делятся на два непримиримых лагеря. Одни грызут гранит науки лишь ради славы и богатства, другие же считают само упоминание злата в связке со знанием грязным оскорблением. Посему в будущем вам следует взвешивать каждое слово, дабы ненароком не отвратить от себя истинных мудрецов.

Цзычу принял совет всерьез и почтительно склонил голову:

— Благодарю за наставление, учитель. Я буду осторожен.

Чжан Ли лишь отмахнулся:

— Полно вам. Я полагал, что мне суждено бесславно сгинуть в царстве Чжао. А уж когда я выдал вам тайну правителя Пиньюаня, то и вовсе приготовился к смерти. Если бы не ваше

заступничество и мудрые слова, не сидеть бы мне сейчас в этой сухой повозке. Вы спасли мою жизнь, господин. Отныне я готов служить вам верой и правдой до последнего вздоха, не щадя самой головы.

— Вы слишком драматизируете, учитель, — мягко рассмеялся Цзычу, придерживая Чжан Ли за локти и не давая ему опуститься на колени. — Вы ведь ученый муж. Если дела пойдут так скверно, что вам придется жертвовать собой, мне и самому не сдобровать. Давайте лучше оба останемся в живых — так от вас будет куда больше пользы.

Цинь Цзычу никогда не понимал стремления расплачиваться за добро собственной жизнью. Чужая преданность до гробовой доски казалась ему непосильной, слишком удушающей ношей. Если человек действительно хочет отблагодарить его, пусть просто делает свое дело на совесть.

Пока Цинь Цзычу и Чжан Ли переживали непогоду, Синьюань Янь и господин Лунъян в своей карете не находили себе места от тревоги.

— Судя по словам Шаюань-цзюня, у правителя Пиньюаня нет и никогда не было столь приметного внебрачного сына? — Синьюань Янь взволнованно переглянулся с господином Лунъяном. В его глазах читалось явное беспокойство.

Шаюань-цзюнь Чжао Дэ, сын правителя Пиньюаня, лишь мрачно покачал головой. Он только что прибыл с гонцом, доставившим послание от правителя Вэй. Отец возлагал на юношу великие надежды, уповая на родственные узы между двумя царствами, однако никто не предполагал, что вражда между вэйским ваном и господином Синьлином зайдет так далеко. Из-за этого разлада правитель Вэй наотрез отказался вмешиваться в дела Царства Чжао. Поняв, что поручение отца катится в пропасть, Чжао Дэ ухватился за единственную соломинку: увязался за посольством, надеясь втереться в доверие к фавориту вана, господину Лунъяну. С его помощью он рассчитывал разжалобить правителя Вэй искусными речами на ушко и заставить того сменить гнев на милость.

Меньше всего Чжао Дэ ожидал, что по прибытии столкнется с подобной нелепицей. Он недоуменно нахмурился:

— С чего вы это взяли, господин Лунъян? У моего отца действительно много наложниц, но он всегда питал глубокое почтение к моей матушке и до моего совершеннолетия не позволял ни одной женщине в поместье родить мальчика.

Господин Лунъян переглянулся с Синьюань Янем и поспешил объяснить:

— Полдня назад на границе наших царств мы встретили необычайно красивого юношу. Ростом он выше семи чи, статен, изящен лицом и безупречен в манерах. Слуги величали его молодым господином, а сам он назвался побочным сыном правителя Пиньюаня, отданным на воспитание вашей матушке.

— Какая несусветная чушь! — вскричал Чжао Дэ, но тут же спохватился и понизил голос: —

Этот обманщик умышленно скрыл свое имя. Боюсь, у него дурные замыслы.

— На нем было алое одеяние, а говорил он с едва заметным чжаоским выговором. Вам это ни о ком не говорит, молодой господин? — Синьюань Янь поспешил вмешаться, опасаясь, что вспыльчивый Лунъян сгоряча оскорбит гостя.

Чжао Дэ задумался на мгновение, и вдруг лицо его стремительно побледнело. Он потрясенно выдохнул:

— Неужели это беглый циньский вансунь Ижэнь?! Он долгие годы томился у нас заложником... К тому же его действительно усыновила супруга наследного принца Царства Цинь, госпожа Хуаян, родом из Царства Чу!

Синьюань Янь нахмурился, лихорадочно соображая, как обернуть это известие в свою пользу, а вот господин Лунъян побелел от ярости, его пальцы мелко задрожали.

Вэйский ван недолюбливал господина Синьлина не просто из зависти к его трехтысячной свите нахлебников, без умолку трубивших о добродетели своего покровителя. Ван презирал этих людей, видя в них лишь сброд мелких мошенников и проходимцев. Сам государь превыше всего ценил открытость; даже его пагубная страсть к мужчинам была явлена свету без утайки, и господин Лунъян купался в лучах открытого признания и роскоши. Больше всего на свете ван ненавидел хитрость и притворство, которыми славились прихвостни Синьлина. Лунъян унаследовал этот нрав от своего господина. Поняв, что безвестный юнец обвел его вокруг пальца, фаворит рассвирепел так, что готов был лично содрать с мерзавца кожу и изрубить его в мелкую щепу.

— Нас обобрали как липку и выставили полными дураками! — процедил сквозь зубы Лунъян.

— Этот беглец теперь признан законным наследником Царства Цинь, — подхватил Чжао Дэ. — Его ценность невероятна. Если мы схватим его сейчас, то получим козырь, способный переломить ход любых переговоров!

— В погоню!

Прежде чем Синьюань Янь успел хотя бы слово вымолвить, господин Лунъян взлетел в седло подвернувшегося коня и, стеганув его плетью, скрылся в пелене дождя.

— Да чтоб тебя!.. — в сердцах выругался Синьюань Янь.

Ему ничего не оставалось, кроме как отдать приказ свите разворачивать коней и скакать вслед за обезумевшим от ярости фаворитом.

Солнце клонилось к закату, а ливень над рекой становился все яростнее. Цинь Цзычу со своими спутниками укрылся в тесной повозке; их соломенные плащи и шляпы давно промокли

насквозь.

— И когда только утихнет эта хлябь? — со вздохом промолвил Цзычу. Любоваться речными пейзажами сквозь пелену дождя приелось ему еще в полдень.

— Весенняя влага — благословение для пашен, — отозвался Чжан Ли, поглядывая наружу. — Но если к утру небо не прояснится, придется оставить лодки и добираться сушей. Река вот-вот выйдет из берегов.

Ин Чжэн на руках у отца вдруг распахнул глаза. Крошечное тельце напряглось, младенец принялся яростно брыкаться, наотрез отказываясь лежать смирно. Он почуял неладное — воздух вокруг словно пропитался запахом скорой крови.

— Тихо-тихо, А-Чжэн, ты чего? — Цзычу всполошился и едва успел подхватить сына, готового соскользнуть с его колен.

Малыш дернулся с такой неожиданной силой, что едва не вывернулся из рук отца.

На лбу Цзычу выступила холодная испарина. Не на шутку рассердившись, он перевернул упрянца на спину и со звонким щелчком опустил указательный палец ему на лоб. В глазах Ин Чжэна от такого коварства на мгновение заплескали искры.

Внезапно сквозь шум ливня прорвался бешеный топот копыт. К берегу примчался конный отряд. Впереди, вымокнув до нитки в прилипших к телу одеждах, летел разгневанный господин Лунъян. Его глаза горели безумной яростью, устремленной прямо на укрывшегося в повозке Цинь Цзычу.

Заметив на себе ошеломленный взгляд Цинь Цзычу, фаворит хищно оскалился. Не говоря ни слова, он вскинул лук и натянул тетиву, целясь острой стрелой прямо в грудь Цинь Цзычу.

<http://bllate.org/book/18277/1750299>